

АЛЕКСАНДР
ВИТКОВСКИЙ

**ЗА
ПЯТЬ
МИНУТ
ДО
ЯДЕРНОЙ
ПОЛУНОЧИ**

Миссия выполнима

Александр Витковский

**За пять минут до
ядерной полуночи**

«ВЕЧЕ»

2017

Витковский А. Д.

За пять минут до ядерной полуночи / А. Д. Витковский —
«ВЕЧЕ», 2017 — (Миссия выполнима)

ISBN 978-5-4484-7078-3

В годы «перезагрузки» отношений между Россией и США спецслужбы обеих стран активизируют сотрудничество по недопущению распространения в мире ядерного оружия. Задача — предотвратить создание атомной бомбы Ираном, который самостоятельно накопил большое количество высокообогащённого урана и как никогда близок к производству смертоносного оружия. Но у российской и американской разведок разный подход к решению иранского ядерного вопроса... Новая книга профессионального журналиста, кандидата психологических наук, преподавателя Академии ФСБ Александра Витковского.

ISBN 978-5-4484-7078-3

© Витковский А. Д., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

От автора	5
Вступление. Ядерный апокалипсис – готовность № 1	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Витковский

За пять минут до ядерной полуночи

*То, что я сейчас утверждаю, – ложно.
Эвбулид из Милета. Парадокс лжеца*

*– Но я же сказал правду.
– Да черт с ней, с правдой. Иногда надо и соврать.
Григорий Горин. Тот самый Мюнхгаузен*

*Если это и неправда, то хорошо придумано.
Антонио Франческо Дони. Миры*

От автора

В 1945 году после атомных бомбардировок японских городов Хиросимы и Нагасаки участники Манхэттенского проекта – создатели атомного оружия США – начали издавать «Бюллетень ученых-атомщиков». Через два года на обложке журнала появились «Часы Судного дня». Стрелки этого хронометра аллегорически отражают степень угрозы мировой ядерной войны. Время, когда часовая и минутная стрелки сойдутся на цифре двенадцать, будет означать «Ядерную полночь» – последний час в истории человечества из-за реальной возможности вселенского ядерного апокалипсиса.

Экспертному сообществу ученых, которые на страницах бюллетеня анализируют возможность глобальных угроз в ядерной сфере, можно доверять. Ведь в разное время свои статьи здесь публиковали лауреаты Нобелевской премии Альберт Эйнштейн, Макс Борн, Николай Семенов, Бертран Рассел и другие всемирно признанные корифеи мировой науки, среди которых Роберт Оппенгеймер, Лео Сциллард, Эдвард Теллер.

Ближе всего к роковой полуночи «Часы Судного дня» подошли в конце 1953 года, вслед за тем, как США взорвали на атолле Эниветок первый в мире термоядерный заряд, а через девять с небольшим месяцев СССР испытал первую в мире водородную бомбу. Тогда стрелки не дошли всего две минуты до часа глобальной катастрофы. А дальше всего – на семнадцать минут от ядерного конца света – они отодвинулись в 1991 году, после подписания между СССР и США Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений и окончания холодной войны. Но на рубеже веков стрелки вновь поползли к роковой отметке. В 2012 году, когда началась работа над этой книгой, хронометр показывал без пяти минут полночь. В 2015 году стрелки продвинулись еще на две минуты вперед – 23: 57. Это же время они показывали и в январе 2016 года.

Но где они остановятся в следующий раз?

Вступление. Ядерный апокалипсис – готовность № 1

На сегодняшний день в мире насчитывается девять государств, обладающих ядерным оружием. Это США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Израиль, Пакистан, КНДР. Еще семнадцать стран, среди которых Аргентина, Бразилия, Египет, Республика Корея, ряд европейских стран, в той или иной степени реализуют программы использования и развития мирной атомной энергетики и в случае реальной внешней угрозы способны в кратчайшие сроки разработать и создать собственное атомное оружие. Сейчас в разных странах действуют почти 450 промышленных и около трехсот исследовательских ядерных реакторов. Арифметика проста: один промышленный реактор в тысячу мегаватт способен за год выработать плутоний, необходимый для создания 40–50 ядерных зарядов. Но в мире уже произведено, находится на хранении и стоит на боевом дежурстве от 130 до 150 тысяч ядерных боезарядов различной мощности.

Давно подсчитано, что с помощью средств, затраченных на создание и производство ядерного оружия, можно было бы ликвидировать нищету, голод, болезни, безграмотность и существенно увеличить продолжительность жизни даже в самых захолустных уголках земного шара. Но так уж повелось с незапамятных времен: убить человека гораздо быстрее и легче, чем его родить, накормить, одеть-обуть, воспитать, дать образование и крышу над головой. А потому вся мировая история – это летопись войны, а не мира. Начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры человечество всего 292 года не истребляло друг друга. И с каждым столетием уничтожение себе подобных осуществлялось все более изощренно и массово.

Возрастает опасность захвата ядерных арсеналов террористическими и оппозиционными группировками, которые не станут проявлять излишней щепетильности в вопросах его применения. Первую попытку захвата ядерного боезаряда для использования в политических целях предприняла полвека назад на испытательном полигоне в Сахаре группа правых французских офицеров, не согласных с политикой президента де Голля.

Остро обозначился риск «случайной ядерной войны» в связи с «человеческим фактором». Не стоит забывать и о чрезвычайных происшествиях, которые происходили с ядерным оружием. В частности, на дне залива Вассав Саунд к югу от курортного города Тайби-Айленд (США, штат Джорджия) до сих пор не найдена водородная бомба Mark-15, которая была аварийно сброшена 5 февраля 1958 года бомбардировщиком В-47 после столкновения с истребителем F-86.

Остается актуальной проблема испытаний и размещения ядерного оружия в космосе, где уже насчитывается порядка тысячи спутников, в том числе военного и двойного назначения, принадлежащих более чем 60 странам. А в секретных лабораториях передовых технологических держав проводятся исследования по созданию еще более совершенного и разрушительного оружия и средств их доставки. При этом ни одно государство в мире никогда публично не признается в осуществлении таких разработок.

Практически любая из этих ситуаций чревата неконтролируемым перерастанием в локальный, а при наихудшем стечении обстоятельств – и в мировой ядерный конфликт, в котором не будет победителя. По мнению многих экспертов, в случае тотальной кризисной ситуации (всеобщей ядерной войны) накопленные мировые запасы ядерного оружия способны вызвать эффект «Машины Судного дня» и как следствие – гарантированное взаимное уничтожение. При этом даже гипотетическая возможность сохранения самой примитивной формы цивилизованной жизни будет близка к нулю.

Пока еще миру удастся сдерживать ядерный смерч, но, если он выйдет из-под контроля, погибнут все. Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в 1945 году, взрыв на Черно-

быльской АЭС в 1986-м, авария на Фукусиме-1 в 2011 году покажутся лишь незначительными эпизодами, легким облачком испуга на фоне этого вселенского апокалипсиса.

Где и когда это произойдет – неведомо никому. Однако риск чрезвычайно велик.

Глава 1

Тихие профессионалы

Неброская, но прекрасно ухоженная и натюнингованная серая «ауди» шестой модели с рядовым госномером бесшумно катила по Новинскому бульвару столицы в сторону американского посольства, пробиваясь сквозь удушливый смог выхлопных газов тысяч автомобилей и горящих в Подмоскovie торфяников. Такие машины в СВР – Службе внешней разведки России – использовались в тех ситуациях, когда не нужно привлекать ничьего постороннего внимания к проводимой встрече. Резко притормозив, она свернула направо, прямо к посольским воротам, которые тут же открылись, и, не останавливаясь, въехала во внутренний двор, завершив достаточно долгий, не без петляний и стояний в пробках, путь из Ясенева – штаб-квартиры российской внешней разведки. На крыльце, у входа в здание, посетителя ожидал представитель дипломатического корпуса США. Улыбаясь, он поздоровался с пожилым мужчиной, неторопливо вышедшим из «ауди». Затем без всяких охранно-бюрократических формальностей провел его к лифту. Вскоре они подошли к комнате для переговоров. Попрошавшись почтительным кивком и милой, на всю жизнь вырезанной под носом улыбкой, дипломат оставил гостя одного.

Окинув комнату внимательно-оценивающим, все примечающим взглядом, мужчина сел в кресло, продолжая осматривать интерьер.

На первый взгляд это была обычная переговорная. Стол, по форме – баранка «челночок», с изысканной цветочной композицией на полу в центре, и эргономичные, но без лишнего хайтековских наворотов офисные кресла по его внешнему периметру. Деловитость стиля подчеркивал огромный плазменный экран на торцевой стене у входа. Яркий, но не режущий глаза свет струился со всей поверхности потолка, и поэтому абсолютно не ощущались замкнутость и ограниченность пространства, так присущие даже просторным, но не имеющим окон помещениям. Да, именно отсутствие окон могло бы сделать переговорную похожей на склеп, но общее убранство помещения не сковывало и не давило, а создавало в зоне замкнутого пространства приятную и вместе с тем рабочую обстановку. Здесь, за контуром системы безопасности, спотыкалось и останавливалось время, о деловитую тишину разбивались суэта и гул большого города, и только постоянное движение конфиденциальных сведений, информации из тайных досье, секретных цифр и фактов выстраивалось в точно выверенные политические решения, которые принимались в результате активного брейнсторминга, а зачастую и в пылу напряженного полемиического азарта.

Не прошло и минуты, как дверь отворилась, и в комнату вошел мужчина по возрасту несколько старше средних лет. Несмотря на изрядную седину подстриженных и аккуратно уложенных волнистых волос, остроту и сухость черт, в загорелом лице дипломата не было и намека на близящуюся осень жизни. Лишь поблекшие, обесцвеченные временем и постоянным напряжением голубые глаза человека, много видевшего, знавшего и испытывавшего, не вязались с его широкой – до открытых десен, – а потому и несколько неестественной улыбкой, элегантно-стью движений, отточенной лаконичностью жестов и утонченно-легкой, несколько фамильярной раскованностью манер. Его сухощавость была сродни тростниковой стройности и прозрачной хрупкости топ-моделей, демонстрирующих на мировых подиумах экстравагантные наряды лучших кутюрье. Джон Стоуну, так звали дипломата, было пятьдесят с изрядным хвостом, но американская ухоженность, привычка с детства заниматься спортом, соблюдать диету и следить за своим здоровьем, а также не без изящества сшитый светлый легкий костюм делали его лет на десять моложе.

Вопреки принятым нормам и протоколу проведения важных деловых встреч, когда в обсуждении участвуют несколько человек с каждой стороны, американец был один. В одиночестве приехал в посольство США и гость – первый заместитель директора Службы внешней разведки генерал-лейтенант Николай Гарушкин, выше среднего роста, плотный, слегка раздобревший в животе, изрядно полысевший. В официальном темно-сером со сверкающим стальным отливом и глухо застегнутом на все пуговицы костюме, полосатом, в тон голубой рубашке, затянутом под самую шею большим узлом галстук, он был чуть старше собеседника и являл собой апофеоз академичной строгости и сдержанности протокольного стиля. С плюсовыми диоптриями очки в темно-серой оправе заметно увеличивали его и без того большие глаза. Этот открытый взгляд располагал к общению, но далеко не каждому собеседнику удавалось заглянуть в это увеличенное линзами зазеркалье души и уж тем более увидеть и понять то, что таится в глубинах его отражения. А сам Николай Константинович внимательно смотрел сквозь увеличительные стекла на окружающий мир спокойным проницательным взором ученого-исследователя, постоянно анализирующего ситуацию и мгновенно улавливающего логику и закономерности всех хитросплетений бытия.

– Доброе утро, – американец уверенно прошел навстречу поднявшемуся из-за стола Гарушкину и протянул руку. – Позвольте представиться. Меня зовут Джон Стоун. Я – руководитель посольской резидентуры Центрального разведывательного управления США в Москве.

Наверное, впервые за все время пребывания в этой деликатной должности Джон представился человеку, которого видел в первый раз, да еще и российскому разведчику таким образом. Но это была заранее заготовленная фраза, и, не уделяя большого внимания тому, какой эффект она произведет на гостя, он тут же продолжил:

– Как будем общаться, на русском или английском?

– Доброе утро, – ответил гость, спокойно и крепко пожимая протянутую ему руку. – Я – Николай Гарушкин, первый заместитель директора Службы внешней разведки. А что касается языка, мне абсолютно все равно. Как вам удобнее.

– Тогда, Николай Константинович, извините, я не ошибся в отчестве?

– Нет-нет, все правильно.

– Тогда, Николай Константинович, давайте на русском. Не буду упускать возможности тренинга и... поговорить в России с русским человеком на русском языке.

– Далеко не каждый русский знает свой родной язык так, как знаете его вы. Долго учили?

Это не был дежурный комплимент, который принято говорить в первые минуты знакомства, чтобы расположить к себе собеседника. Американец, действительно, очень хорошо знал язык, обладал огромным лексическим запасом, грамматически правильно, едва ли не хрестоматийно, строил фразы и даже без особого труда выговаривал падежные окончания. Лишь едва уловимый акцент, легкой тенью сопровождавший его произношение, да нередкое использование английских слов, впрочем, уже ставших привычными для русского уха, выдавали в нем иностранца.

– О, это целая история, – продолжая широко улыбаться, ответил дипломат. – Все благодаря вашему Льву Толстому и моей русской няньке, которая пересказала мне «Войну и мир». Позднее я дважды прочел этот гениальный роман. Сначала на английском, затем на русском.

– У вас были хорошие учителя.

– Да, это так. Прощу, садитесь, пожалуйста, – дипломат жестом указал на кресло. – Николай Константинович, думаю, мы сможем поговорить без особых церемоний и... притворства. Заочно мы уже наверняка давно знакомы, и я думаю, что вы знаете обо мне не меньше, а может быть, и больше, чем я о вас.

– Да уж... – усмехнулся собеседник. – Что есть – то есть...

Открытость и откровенность американца располагали к общению, тем более что они – два «тихих профессионала» крупнейших в мире разведслужб – и вправду, не просто хорошо

знали, а детально изучили друг друга по оперативным сводкам, агентурным сообщениям, материалам технического контроля, аналитическим справкам. И речь шла не только о биографии, деловых качествах и увлечениях, сильных и слабых сторонах личности, особенностях характера. Лет двадцать, а то и тридцать назад, с того самого времени, как Джон Стоун начал работать рядовым сотрудником разведрезидентуры США под крышей третьего секретаря посольства своей страны еще в коммунистической Чехословакии, а Николай Гарушкин руководил одним из отделов внешней контрразведки Первого главного управления (разведка) КГБ СССР, они, не будучи знакомы лично, среди прочих сотрудников спецслужб главного противника, проявили взаимный оперативный интерес. Когда оба заматерели в своей специфической работе, продвинулись в должностях и званиях, достигли солидного положения в структурной иерархии своих постоянно враждующих ведомств, оперативное внимание друг к другу стало пристальным и детальным изучением. А поскольку знать врага, особенно руководителей первого уровня, нужно досконально, то и взаимный интерес достиг апогея. Свою линию в работе по изучению руководителя посольской резидентуры США также вела и российская контрразведка – Федеральная служба безопасности, которая постоянно информировала своих коллег из СВР о новых материалах, полученных в отношении действующих в Москве американских разведчиков и их шефе.

Прежде чем перейти к делу, неписанный ритуал общения впервые встретившихся людей предполагал ни к чему не обязывающий диалог на дежурную, весьма общую и взаимноинтересную тему. В данной ситуации обошлось без банальностей «о московской погоде». И так уж получилось, что два увлеченных своей работой разведчика, пусть даже из некогда смертельно враждующих социально-политических систем, но которым сейчас не нужно было скрывать друг от друга свое ремесло, не смогли удержаться и не заговорить «о своем, о девичьем». Впрочем, несмотря на всю непринужденную раскованность многословного общения и заявленную «перезагрузку» политических отношений между двумя странами, не было сказано ничего лишнего, что могло бы нанести даже незначительный ущерб нынешней оперативной деятельности. За внешней свободой, открытостью и легкостью светского разговора тщательно взвешивалось и анализировалось каждое сказанное и услышанное слово. Старательно маскируемая подозрительность была глубоко спрятана в сознании каждого, и недоверие куском льда поначалу скрывало искренность общения. Вместе с тем начало беседы неизменно было и неким тестом, в котором участники словно проверяли на практике свои заочные знания друг о друге, а сложившиеся по документам образы, впечатления и ожидания сравнивали с реальным человеком.

Как и положено хозяину, инициативу взял на себя Джон.

– Это святая святых посольства, – объяснил он, улавливая взгляд гостя, который тот не без интереса переводил время от времени со своего собеседника на детали зала, в котором они находились. – Переговорная комната, дженерал стафф, ситуационный центр – называйте, как хотите. В прямом и переносном смысле она со всех сторон полностью отрезана от внешнего мира толстыми стенами и техническим обеспечением. Зал расположен в центре здания, чтобы исключить любую попытку съема информации извне – с улиц, крыши и даже фундамента. В общем, самые важные встречи и принятие наиболее ответственных решений происходят именно здесь.

«Да уж, наслышан, – подумал про себя Гарушкин, – особенно после того, как Вадим Бакатин, последний председатель КГБ и первый руководитель новой спецслужбы – МСБ СССР, – с санкции политического руководства страны передал в знак «доброй воли» послу США в СССР Роберту Страусу всю техническую документацию сверхсекретной системы прослушки нового здания американского посольства», – но вслух поинтересовался:

– А разве не в кабинете посла?

– Нет-нет... После того как в конце пятидесятых-начале шестидесятых годов, не помню точно, вы сумели внедрить микрофон в государственный герб США, который висел на стене,

прямо над рабочим креслом посла, мы приняли все меры к тому, чтобы исключить подобные эксцессы.

– Ну, это для вас эксцесс, казус, называйте, как хотите. Для нас это был успех, филигранно проведенное мероприятие. – Николай Константинович вспомнил, как еще молодым сотрудником органов госбезопасности с восхищением читал секретную спецлитературу о проведении этой уникальной операции, а потом даже встречался с некоторыми ее участниками.

– Честно говоря, мы особо и не рассчитывали, что герб США с вмонтированным подслушивающим устройством посол распорядится повесить в собственном кабинете, – продолжил Гарушкин. Разведчик не смог отказать себе в удовольствии слегка погладить против шерсти американского коллегу, испытывая при этом гордость былыми победами своего ведомства, которое в те годы еще весомо и значимо называлось КГБ СССР.

– Мне рассказывали ветераны из нашей службы безопасности, что этот герб был чуть ли не произведением искусства, – ничуть не смущаясь щекотливой темы, продолжал американец.

– Да уж, действительно, тонкая ручная работа. Говорят, ваш посол был в восторге.

– Да, я тоже об этом слышал. А как вы его внедрили?

– На каком-то торжественном приеме его вручили Страусу наши пионеры. Так сказать, сувенир «в знак дружбы между двумя народами и государствами». А как вы обнаружили эту закладку?

– Весьма неожиданно. Во время отпуска посла проводили ремонт в его кабинете и совершенно случайно уронили ваш подарок. Герб упал на пол, раскололся, и из него вывалился микрофон.

– Представляю, каким это оказалось для вас шоком...

Джон помолчал и, улыбаясь с чувством легкой досады и сожаления о давнишнем проколе своей службы, развел руками: дескать, что уж теперь сделаешь... Нужно было помнить старую мудрость о данайцах, дары приносящих.

– Надеюсь, что сейчас в этой комнате ваших прослушек нет, – пошутил он. – Но в чем я абсолютно уверен, так это в том, что вы – первый сотрудник российской спецслужбы, который переступил порог этого кабинета.

Гарушкин понял, что время общих разговоров подходит к концу и сейчас речь пойдет о главном – то есть о том, ради чего он получил строго конфиденциальное приглашение не просто в американское посольство, а в его святую святых – самую засекреченную, недоступную и охраняемую часть.

– Вас наверняка удивила наша конфиденциальная просьба, обращенная лично шефу СВР, направить к нам одного из первых руководителей российской разведки, облеченного доверием и полномочиями вести чрезвычайно секретный, ответственный и важный диалог, а также принимать решения, от которых, скажу абсолютно не преувеличивая, будет зависеть будущее не только наших стран, но и значительной части мирового сообщества, – Джон Стоун перешел к главному.

Николай Гарушкин несколько напрягся. Уж чего-чего, а пафосных ноток он никак не ожидал уловить в речи представителя ЦРУ – весьма прагматичного и циничного в своей работе ведомства. Продолжая внимательно слушать, он механически расстегнул пиджак. Да, от своего шефа – директора Службы внешней разведки – он знал, что его из ряда вон выходящий визит в посольство США, да еще и в таком необычном формате (один на один с руководителем посольской резидентуры ЦРУ), одобрен не просто политическим руководством страны, а первым лицом государства. Знал он и о чрезвычайной важности и секретности запланированной встречи, и о предмете предстоящего разговора, но не был в курсе главного (мог лишь только догадываться) – о чем конкретно пойдет речь.

– Не скрою, – продолжал тем временем Джон, – я рад, что не ошибся в своих предположениях по поводу того, что руководитель вашей службы направил для выполнения этого чрезвычайного поручения именно вас.

– Благодарю за доверие, – с легкой тенью иронии произнес Гарушкин. Ему по жизни всегда не нравилось, когда американская разведка оказывалась права в своих предположениях и прогнозах, даже по мелочам.

– Прежде всего хочу подчеркнуть, что президент моей страны Соединенных Штатов Америки («Опять этот пафос», – вновь отметил Гарушкин) и вашего государства чрезвычайно озабочены проблемой, о которой мы сейчас будем говорить, и крайне заинтересованы в ее кардинальном решении. Это важно не только с точки зрения благополучия и безопасности всего Ближневосточного региона, а возможно, и всего мира.

Российский гость внимательно слушал американского коллегу. Он умышленно взял долгую паузу и теперь, как учил классик русского драматического театра Константин Сергеевич Станиславский, выдерживал ее, вынуждая тем самым говорить своего собеседника.

– Речь идет об Иране и его атомной программе, которая из мирной все более становится военной. Все наши дипломатические попытки и международные инициативы, направленные на прекращение этой опасной деятельности, либо блокировались руководством Тегерана, либо затягивались и в конечном итоге становились безрезультатными.

Теперь паузу взял Джон и своими водянистыми глазами внимательно посмотрел на русского собеседника, ожидая его вербальной реакции. Гарушкину даже показалось, что его коллега по секретному ремеслу ждет от него каких-либо разъяснений о российском участии в иранских атомных проектах. Но по этому поводу уже все было сказано политиками и руководителями Министерства по атомной энергетике России, и ему, как представителю спецслужб, в данной ситуации добавить было нечего. Поэтому он спокойно выдержал взгляд американца и остался нем как рыба, хотя и несколько подался вперед, всем своим видом демонстрируя явную заинтересованность в продолжении прерванной собеседником речи.

– Так вот, – не дождавшись ответа, продолжил Джон, – мы имеем достоверную информацию, что буквально в ближайшие недели, именно недели, а не месяцы и годы, Иран вплотную подойдет к завершающей фазе создания собственного ядерного оружия. Представляете, что это такое – атомная бомба в распоряжении изгоя – одиозного и неконтролируемого политического режима с мракобесами-лидерами?

Он опять замолчал. И в данной ситуации, когда был задан хоть и риторический, обращенный в пространство вопрос, Гарушкин уже не мог отделаться многозначительным молчанием, ведь кроме него у американца не было собеседников в этой комнате.

– Да, у нас тоже есть аналогичная информация. Но, насколько нам известно, конечный результат весьма и весьма проблематичен. К тому же режим аятоллы Хаменеи и президента Ахмадинежада не собирается использовать это оружие против кого бы то ни было. Оно должно играть роль сдерживающего фактора. Согласитесь, им есть кого опасаться в пределах своего географического региона. И это не только Израиль. Военно-политическая конфронтация между этими двумя странами просто зашкаливает...

– Вот-вот, именно Израиль, – подхватил горячую тему американец. – Судя по полученной МОССадом разведывательной информации, в политических и военных кругах Ирана уже активно обсуждается план нанесения превентивного ядерного удара по Израилю. Представляете, что за этим может последовать?

– От обсуждения до принятия решения дистанция огромного размера. – Этой общей фразой гость выразил свое сомнение в достоверности разведсведений, полученных Израилем, и постарался уйти от их оперативной и политической оценки. – Да к тому же и бомбы у Тегерана еще нет. Конечно, глава Ирана Хаменеи и особенно президент Ахмадинежад уже не раз публично заявляли о своих враждебных намерениях в отношении израильтян. Но вы же пре-

красно понимаете, в большой игре не всегда стоит доверять громким высказываниям политиков, да еще и рассчитанным на публику.

– Такие заявления не делаются просто так...

– Конечно. Но нужна достоверная и объективная информация, к тому же не единожды проверенная и перепроверенная. В таких вещах не стоит ошибаться. Вспомните, какой был скандал после нападения США на Ирак и тщетных поисков военных ядерных объектов на территории этой страны. Лабораторий по промышленному производству химического и бактериологического оружия массового поражения там тоже не нашли.

Об Ираке Гарушкин вспомнил не для того, чтобы лишний раз подковырнуть своего визави по разведывательной деятельности. Он прекрасно помнил, что аналогичная проблема – будто бы имевшие место военные ядерные центры и предприятия по производству оружия массового уничтожения в Ираке – были лишь искусственно созданным поводом для начала войны, главная цель которой – уничтожение диктатора Саддама Хусейна и его правительства, заподозренных в связях с террористической организацией «Аль-Каидой». После трагедии 11 сентября политическому руководству США во что бы то ни стало нужно было выявить и покарать виновного в этом злодеянии. Когда же *casus belli* был найден и озвучен, тут же, даже без санкции Совета Безопасности ООН, начались полномасштабные боевые действия под громким названием «Иракская свобода» – сначала мощная авиабомбардировка и практически сразу наземное вторжение силами пяти американских и английских дивизий. Позднее, после получения мандата ООН, в Ирак прибыли войска стран международной коалиции. За время конфликта с обеих враждующих сторон погибли (и продолжают гибнуть сейчас) люди, в основном мирное население Ирака.

Международный скандал по этому поводу не утих до сих пор, хотя прошло уже несколько лет, а расследование комиссии американского конгресса доставило много досадных переживаний и мучительных волнений не только директорату ЦРУ (глава этого ведомства Джордж Тенет был вынужден подать в отставку), но и первым лицам страны, принимавшим решение о начале боевых действий за тысячи километров от США.

Похоже, ситуация повторялась. На сей раз с Ираном. Ну что ж, пусть американцы на пару с Израилем и решают эту проблему. Россия не должна наступать на те грабли, на которые уже наступили другие. Впрочем, это было личное мнение Гарушкина, которое он оставил при себе. Конфуза спецслужб США он коснулся лишь потому, что разговор зашел о крайне серьезных проблемах, где вещи должны называться своими именами независимо от того, приятно это кому-нибудь или не очень, а соблюдение дипломатического политеса, когда собеседники нарочито обходят стороной деликатные темы или оборачивают их в велеречиво-изысканную словесную шелуху, уходило на двадцать пятый план.

– Ну, что сделано, то сделано, – сухо парировал американец. – Во всяком случае, одним авторитарным режимом на земле стало меньше. А что касается израильской разведки, поверьте, у них абсолютно достоверные сведения из очень информированных и авторитетных источников, которым они полностью доверяют. Через свои возможности, я имею в виду агентурную и космическую разведку, мы тоже тщательно изучаем эту информацию, и, к сожалению, она подтверждается.

– И что из всего этого следует? – В свою очередь, Гарушкин использовал возможность задать риторический вопрос. Разведчик уже понял, к чему клонил американец, но хотел услышать конкретное предложение. Наверняка вся их беседа негласно записывается на аудиотехнику, а может, даже и снимается на видео. Так пусть, на случай «разбора полетов», сомнительная инициатива по проведению деликатных акций останется за другой стороной.

– В данной ситуации президент и правительство Соединенных Штатов Америки не сторонники применения твердой силы и нового регионального конфликта. Мы теряем аппетит к большим войнам и оккупации территорий противника...

«Слава богу, – подумал про себя Гарушкин. – А он, наверно, искренне и самозабвенно поет американский гимн перед началом каждого футбольного матча».

– ...и поэтому единственной реальной возможностью остается неожиданный превентивный ракетный удар по военным атомным объектам Ирана, – закончил фразу Джон Стоун.

Глава 2

Виталий Коржавцев

Париж встретил Виталия Коржавцева унылым закопченным небом, из которого временами по-французски скупобусил мелкий дождь, да грязным, болезненно-бурым цветом своих домов, сложенных еще во времена оны из песчаника или бургундского камня, отравленного за многие годы смогом и выхлопными газами тысяч автомобилей. И даже сочная, всех оттенков зелень «черепичного» сада Тюильри – самого старого в городе – надсадно-гламурная броскость ярких реклам и афиш Елисейских Полей, изысканно-строгая пропорциональность устремленной ввысь Эйфелевой башни и архитектурный римско-византийский ажур базилики Сакре-Кер на Монмартре не скрашивали тоскливую мглу городских пейзажей. На душе было пасмурно и мерзко, и хотелось умереть, совсем не взглянув на Париж.

Виталий и сам не мог понять своего состояния – хандра, сплин, хотя внешне все будто бы прекрасно. Солидная работа в серьезной компании на неплохой должности, загранкомандировка, о которой мечтают многие, молодая жена и очаровательный малыш (двое старших детей среднего школьного возраста от первого брака вместе с его «бывшей» остались в Москве и не особенно досаждали своими проблемами).

Но это внешне.

Уже давно осталась за плечами секретная и опасная работа в разведке, о которой он бредил с младых ногтей и к которой стремился наперекор всем трудностям. Нет, он не жалел о том времени, когда служба в КГБ СССР была для него превыше всего, более того, гордился своими успехами и заслуженными наградами, и даже потом, с годами, все больше и больше ощущал с острой горечью полноту и прелесть навсегда утраченного времени. На рубеже лихих девяностых все перевернулось с ног на голову и в государстве, безопасность которого он защищал, но так и не смог оградить от враждебных происков проклятых империалистов, и в личной жизни. Сказка о вечной любви тоже оказалась обманом. Сердечная страсть поистратилась, обветшала, истрепалась житейскими передрыгами и не переросла в привязанность к семье, верность жене, ответственность за детей. Видать, чувства эти заплутали где-то в городской неразберихе, толкотне и шуме, служебных напряжениях и обыденности; в семейной жизни что-то хрустнуло, надломилось, развалилось, и даже в пригоршне невозможно было удержать осколки былого счастья. Он развелся с женой, а вскоре и вовсе сжег все мосты, соединявшие его с прошлым, – ушел из Первого главного управления КГБ СССР, как это делали некоторые его коллеги. Причин тому было немало. У него вдруг появилось горькое осознание того, что большой кусок жизни прожит зря. Дело обеспечения безопасности страны, в которое он свято верил и честно исполнял все от него зависящее, оказалось пустой, никому не нужной тратой времени и сил. Страна, которую он защищал – «единый, могучий Советский Союз», – перестала существовать, просто развалилась на куски, а у России, как декларировало новоявленное политическое руководство, не осталось в мире врагов. Бывшее ПГУ (разведка), как и весь бывший Комитет госбезопасности, новая демократическая власть во главе с пропойцей Ельциным опустила ниже канализации. Ни авторитета, ни денег, а впереди – бездонная черная дыра безысходности и ни малейшего радужного блика или хоть какой-то надежды. Впрочем, кое-кто из его знакомых, державших нос по ветру, вовремя расчухал направление этого самого «ветра перемен». Используя влиятельных друзей, прорехи нового демократического законодательства, ваучеризацию, залоговые аукционы и прочую лабуду, они на фоне всеобщего обнищания и развала страны прихватизировали все, что только можно – землю, предприятия, энергетику, недра, транспорт, банки, рынки, средства массовой информации, а кое-кто и проституцию, игорный бизнес, продажу алкоголя и еще много-много чего, – и стали утопающими в деньгах и роскоши собственниками

со съехавшими в штаны мозгами. Их не любили, даже больше – ненавидели, но им завидовали и хотели не только внешне походить на них, но и быть такими, как они. Страна погрязла в коррупции, превратившись в державу Ивашек Мошенниковых – был на Руси такой мздоимец и вор боярских кровей, государеву мощну потрошивший, аки собственную.

Коржавцев все же успел выслужить минимально положенный двадцатник, получить весьма тощую – не для жизни, а для прозябания – пенсию, а поскольку в сорок с небольшим лет чичереветь в одиночку на шести сотках подмосковной дачи в маленьком, четыре на шесть, щитовом домике с крохотной верандой да со слезливой пенсией в первые дни каждого месяца не хотелось, он с головой окунулся в новый для себя мир бизнеса, который, как ему казалось, неплохо знал по своим долгосрочным загранкомандировкам. Но пещерный российский капитализм жил по своим волчьим законам, весьма далеким от цивилизованного западного предпринимательства. Первые шальные деньги, собственный офис в Хаммеровском центре Москвы, новая квартира в престижном районе столицы, шикарная тачка, коттедж недалеко от кольцевой автодороги, фитнес-клуб и большой теннис три раза в неделю ненадолго вскружили голову и коренным образом переиначили личностные установки и социальные ориентиры. В общем, живи, пока живется, до той поры, пока не помрется... Но беда безглазая – на всех кидается, а удача – ох как зряча, абы кому и надолго в руки не идет. Коржавцева, как и миллионы россиян, вмиг сгорбатил дефолт, начались разборки с бизнес-партнерами, денежные проблемы и даже криминальные «стрелки», из которых ему, слава богу, удалось выбраться живым, хотя и с существенными имущественными потерями. Самое лучшее, что он мог сделать в той ситуации, – так это «залечь на дно» и бережно проедать оставшуюся зачерствелую краюху своего еще недавно такого пышного и сладкого финансового пирога.

Из небытия выручили старые друзья по работе в разведке – предложили весьма непыльное место в пресс-службе солидной госкомпании «Военвнешторг», которая занималась посредническими услугами в сфере экспорта российских вооружений и военной техники. Здесь бывший полковник разведки пошел в гору. Помогли умение ладить с людьми, особенно с начальством, два языка, знание страноведения, прошлый опыт оперативной работы, предпринимательская изворотливость, хитрость и привлекательный, если не сказать больше, внешний вид. Вскоре его заметили и предложили должность в представительстве компании во Франции. Срослась и личная жизнь. Он женился на симпатичной, хотя и да-а-авно засидевшейся в девках, генеральской дочке – единственном ребенке в семье, ничего собой не представляющем, залюбленном, избалованном, капризном, а с возрастом и весьма амбициозном.

Новая работа в Париже, новые люди поначалу увлекли Коржавцева. Но интригующий эффект новизны и восторга жизни в одной из лучших европейских столиц с миллионом достопримечательностей, красот и соблазнов постепенно увял, а интерес, азарт и увлечение необычным делом вскоре уперлись в рутину: кипы никчемных бумаг, скучные, порою абсолютно пустые переговоры с представителями различных фирм и организаций, бесконечные увязки с Москвой сотен страниц контрактных документов, нудные встречи и проводы статусных гостей и представителей. Перспективные оружейные контракты или предложения по расширению кооперационных связей в интересах совместной разработки и производства современных образцов военной техники обычно вяли на корню, задушенные бюрократическими согласованиями и шифровками из Москвы, не поощрявшими активных контрактных решений и смелых креативных предложений в области военно-технического сотрудничества с зарубежными партнерами. Усугубляли ситуацию осторожность сверх меры и паническая боязнь руководства компании хоть на йоту отклониться от курса «политической линии» и нарушить какие-то мифические, поросшие мхом десятилетий военные и коммерческие тайны, которые для всех заказчиков российской продукции военного назначения уже давно были «секретами Полишинеля». Начальство в представительстве желало лишь одного: спокойно, без хлопот и приключений доработать свой срок, а будет возможность – остаться и еще на один. Это покры-

тое болотной ряской чиновное существование и вовсе свело «на нет» любое проявление инициативы, превратив жизнь Коржавцева в нудное, зачастую с утра до позднего вечера написание пустых бумажек, громко именуемых «анализ», «отчет», «справка», «запрос», «согласование» и т. д., и т. п. по каждому пустяку, по поводу и без повода. И только подписание контрактов да международные выставки вооружений и военной техники Евронаваль и Париж Аэрошоу, проходившие в парижском пригороде Ле-Бурже, Милипол в Экспоцентре, или Евросатори в Норд Вильпент, подобно брошенному в трясину камню, возвращали к жизни и будоражили эту застойную болотную тину. Единственное, что еще хоть как-то спасало клерка от рутины, так это прогулки по Парижу, улицы и площади, музеи и выставки, исторические места и достопримечательности французской столицы. Скрашивали жизнь и развлекали встречи с представителями зарубежных фирм, военными, журналистами и не дававшие помереть от тоски и скуки пресс-конференции, приемы, фуршеты. Был и еще один повод окончательно не впасть в ипохондрию от безысходности и уныния.

Вот и сейчас, вернувшись в Париж после отпуска, Виталий Коржавцев ждал и желал одного – ее звонка.

Мобильник ожил марионовской мелодией «Чи Мэй» из кинофильма «Профессионал» только в третью субботу июня, ближе к полудню, когда Виталий бесцельно слонялся по Парижу, чтобы избежать очередной семейной свары по очередному, какому-то самому банальному и незначительному поводу.

– Привет, – услышал он в трубке голос Женевиевы. – Это я. Как отдохнул?

– Привет. Неплохо, хотя уже успел забыть, что отдыхал, – у него участилось дыхание.

– А как тебе Париж?

– Мерзко. Если бы не ты, был бы еще хуже.

Она рассмеялась.

– Это у тебя плохое настроение, а Париж сегодня прекрасен. Солнце, суббота, а завтра будет День музыки.

Виталий поднял голову и только сейчас увидел солнце, действительно, ярко светившее из голубой небесной полынни среди начинавших рассеиваться плотных серо-белесых туч.

– Что это?

– Праздник. Весь город будет танцевать всю ночь.

– Бог с ним, и с праздником, и с Парижем... Когда и где мы встретимся.

– Если сможешь, то часа через три в отеле «Кастильон», номер 624.

– Где это?

– Рядом с площадью Согласия, на углу улиц Фобур Сен-Оноре и Анжу. Я жду...

Он не успел ничего ответить, как в мобильнике раздался легкий щелчок, – собеседница нажала на кнопку с красной телефонной трубкой.

За время командировки Виталий прекрасно узнал Париж – не по карте и туристическим справочникам, а по улицам и площадям, которые он прошел на своих двоих, и сотням достопримечательностей этого восхитительного города, о которых ему частенько доводилось рассказывать, сопровождая на представительской машине высоких московских гостей. Досконально знать город, где живешь и работаешь (нет, не так: где работаешь, а усталое существование в короткие минуты между службой с утра до вечера и недолгим сном трудно назвать жизнью), было для него золотым правилом еще со времен работы в разведке.

Значит, так. До отеля он доберется минут за 30–40. А впереди – весь вечер, долгожданный и восхитительный.

«Отлично! – решил он. – Сейчас главное – позвонить жене и сказать ей, что меня опять запрягли до позднего вечера. Нужно, мол, встретить очередного московского ВИПа с супругой, разместить его в гостинице, потом вояж по магазинам и вечером сопровождение в ресторан в качестве переводчика. Так что домой вернусь очень поздно».

Мысленно составляя план своих действий до конца дня, Виталий по старой оперативной привычке старался предусмотреть вероятные проблемные ситуации и «проколы» и тут же отбавывал нужные решения для выхода из возможных потенциально сложных обстоятельств.

«Любовная лодка» Коржавцева и его второй жены Зои уже больше года как «разбилась о быт». Скорее всего, и не любовь это была, а глупость, придуманная вдвоем несколько лет назад: просто выиграло, вспенилось ее женское начало, засидевшееся в мечте и ожидании, а ему нужно было уйти от одиночества и безысходности. Но интересы работы в загранпредставительстве «Военвнешторга», да еще и в условиях долгосрочной заграникомандировки были выше семейного разлада и житейских неурядиц. Уж очень им обоим не хотелось по причине семейных дразг быть откомандированными в Москву и при этом сильно терять в военвнешторговской зарплате, да еще и с немалыми бонусами за работу в другой стране. А потому уже давно, еще с первых счастливых месяцев жизни в Париже, между ними действовал некий кодекс семейных отношений, в основе которого лежало основное правило: работа Виталия – прежде всего. Зоя работать не хотела, впрочем, от безделья и скуки не сильно маялась – ей вполне хватало домашнего хозяйства, которое, хоть и не было обременительным, но изрядно досаждало своим повседневно нудным и унылым однообразием. Забота о малыше, а еще больше шопинг тоже отнимали немало времени. В общем, такая жизнь Зою вполне устраивала, и даже все более частые разлады с мужем не заставили бы ее менять парижскую свободу на унылые московские будни. А уж если совсем было немоготу, она покупала пяти-шестидневный тур по историческим местам Европы и оттягивалась в этом путешествии по самую ступицу. Против вояжей в Москву на три-четыре недели муж с некоторых пор тоже особо не возражал.

«Так, теперь надо заскочить в магазин, купить шампанское, фрукты, коробку конфет... – продолжал строить планы Виталий. – Конечно, все это можно заказать и в ресторане отеля, но не стоит лишний раз «светиться». К тому же там это будет гораздо дороже».

Солнце уже не таилось в ухабистых облаках; набрав силу, оно расцвело и засияло озорно и весело, утопив в Сене полуденную хмарь, раскрасив весь город своим ярким улыбчивым светом, и рассеяло сумрак душевной тоски Коржавцева.

«Женевьева, Женька... какая она сейчас, после почти двух месяцев разлуки?» – подумал он.

С густой, длинной – ниже лопаток – нарочито небрежно уложенной пепельной гривой мягко выющихся волос (боже, сколько трудов стоил парикмахеру этот непринужденный шарм), в строгом брючном костюме черного цвета и легкой красной майке с широким вырезом на груди, за которым, когда она наклонялась, чуть-чуть выглядывала тоже красная кружевная кайма чашечек ее лифчика, – именно такой Виталий заметил ее впервые на одной из пресс-конференций Николя Саркози в 2008 году. Потом он видел ее на других пресс-конференциях и брифингах во время проведения международных парижских салонов вооружений и военной техники, но, наблюдая со стороны, не решался подойти к ней, чтобы не показаться навязчивым и бестактным. Впрочем, даже такое внешнее изучение давало вдумчивому и опытному наблюдателю солидный объем информации. Она была открыта в общении и имела широкий круг связей среди политиков, военных и журналистов. Но при этом умела держать дистанцию, отличалась корректной доброжелательностью, не теряя французского юмора и сарказма. Ее вопросы на пресс-конференциях свидетельствовали о глубоких знаниях внешней и внутренней политики страны, подспудных течениях и тонких взаимосвязях этого «искусства возможного», а острый ум, профессиональное мастерство и тонкая ирония сквозили в публикациях даже по самым острым и сложным политическим проблемам. Тема международного военно-технического сотрудничества тоже была в сфере ее интересов. Но не это волновало Виталия и выделяло Женевьеву среди прочих женщин. Она, вопреки сентенции художника-сюрреалиста Сальвадора Дали о всех очаровательных дамах, была одновременно и красива, и элегантна. Смена обстоятельств, людей и ситуаций была для нее родной стихией. С легкостью весеннего ветра

она меняла города и страны, круг знакомств, стиль и образ общения. Всего через несколько минут Женестьева становилась своей в любой компании – будь то безбашенный табун круто татуированных, заклепанных в черную дубленую кожу байкеров, изысканный салон чопорных дипломатов, богемный кружок полоумных, заикливых на своем творчестве художников-интеллектуалов, шеренга надменных, переполненных чувством собственной значимости и чванливого достоинства высокопоставленных военных или неряшливый ученый одиночка, витающий только в одном ему доступных и понятных эмпирях. Даже в дамском обществе, где ее красота и обаяние изначально вызывали лицемерно скрытые зависть, недоброжелательность и подозрительность (а как еще женщины могут относиться к себе подобной – воспринимаемой, прежде всего, в качестве потенциальной соперницы, которая превосходит их самих не в чем-то одном, а едва ли не по всем параметрам и форматам), никто не мог сказать о ней ничего дурного, язвительного и уж тем более – мерзкого и гаденького. Удивительно, но в любой ситуации она оставалась сама собой, деликатно и тонко вживаясь в реальные обстоятельства, но не приспосабливаясь к ним, не подстраиваясь, а улавливая правила поведения и условности и, используя их, толерантно находя баланс личных интересов и запросов окружения.

Виталий, обладавший определенным кругом знакомств среди французских репортеров, освещавших темы военно-технического сотрудничества, знал, что, вращаясь в орбите одних и тех же людей и интересов, связанных работой на солидные общественно-политические средства массовой информации, он рано или поздно обречен на знакомство с этой журналисткой. Поэтому и не торопил события, и не просил общих приятелей по медийному цеху представить себя очаровательной коллеге. К тому же он не хотел быть инициатором такого контакта и положился на естественное стечение обстоятельств.

Так и вышло. Они случайно оказались рядом на пресс-конференции, которую устроило руководство «Военвнешторга» в шале для прессы на выставке Париж Аэрошоу в Ле-Бурже. Он – представитель российской компании-экспортера российской продукции военного назначения, она – обозреватель-фрилансер, сотрудничавшая с несколькими общественно-политическими и специализированными военными изданиями Франции, а также рядом серьезных зарубежных СМИ.

Ее короткий приталенный в стиле «болеро» жакет цвета деп лишэн – серого с едва уловимым зеленоватым оттенком – с недлинными узкими рукавами никогда не застегивался (на нем просто не было ни пуговиц, ни петель, ни крючков) и лишь прикрывал по бокам и спине легкую белую майку, облегающую невысокую упругую грудь, плоский живот и талию – тонкую, как ножка снифтера – рюмки для коньяка выдержки Х.О. Провоцировать пьянящее мужское возбуждение и женскую зависть продолжали ее узкие бедра, туго обтянутые (без единой морщины и складки) такими же деловито-серыми, как курточка, брюками, мастерски подчеркивающими стройность ее длинных ног. Неширокий, темно-красный с едва уловимыми глубокими бликами самба блестящий пояс, будто взмах крыльев неведомой птицы, застыл на бедрах, а сверкающая черненой сталью ажурная пряжка покоилась чуть выше бугорка Венеры, навязывавшего лицам противоположного пола такие феерические фантазии, от которых у них шевелились и начинали дыбиться не только волосы.

Завершали эту гламурную композицию подобранные в тон брючному костюму сумка-«тюльпан» и туфли на высоком тонком каблуке с узкими изящными вставками, инкрустированными радужно бликующими, словно капли росы, стразами. В общем – изысканно-утонченный замес демократичной элитарности, деловой строгости, изящно-небрежной элегантности с легким подтекстом эротичной раскованности и жестким стержнем уверенности в себе.

Коржавцев уже давно понял: эта дама не подделывалась под вызывающую сексапильно-фривольную моду, а естественно и органично выбирала для себя наиболее филигранные и значимые нюансы в находках лучших итальянских и французских кутюрье, напрочь отбрасывая пошлую мишуру, эпатаж и вычурность, от которых тащился бомонд главных евро-

пейских столиц, и никогда не тратила уйму денег, чтобы быть до одури модной и до глупости смешной. Она уверенно и достойно шла, нет, даже не шла, а легко, словно босиком по песку, шелестела среди окружающих ее людей и предметов – будь то в собственной квартире, на улице, в офисе или на светском рауте. И редкий мужчина, забыв о приличиях, до хруста в позвонках не сворачивал себе шею, глядя вслед этому природному совершенству, тонко ограниченному флером одежды, неяркой косметики, не самых дорогих украшений и умопомрачительных ногтей.

Кстати, о ногтях.

На них никак нельзя было не обратить внимания. Виталий поймал себя на том, что просто впился в них взглядом, когда она ловко открыла заднюю крышку своего диктофона и поправила в нем пальчиковые аккумуляторы. Все тщетно. Они разрядились, и диктофон не подавал никаких признаков жизни.

– Извините, у вас случайно нет двух запасных батареек, – обратилась она к сидящему слева от нее соотечественнику-фотокорреспонденту?

– Нет, – буркнул тот, подставив к правому глазу окуляр своей фотокамеры с гигантским объективом и демонстрируя невероятную занятость, хотя пресс-конференция еще не началась.

Наблюдавший эту сцену Коржавцев хмыкнул про себя: «Нашла же к кому обратиться?! Да у «фотиков», тем более французов, зимой снега не выпросишь...»

– А у вас? – Женестьева неожиданно повернулась и вопросительно посмотрела на Виталия своими темно-оливковыми глазами.

– К сожалению, нет, – немного смутившись собственным вынужденным отказом, ответил он, – но... после пресс-конференции я могу дать вам свой диктофон с записью, и вы подготовите материал.

– А как же вы?

– Ну... я... – замялся Виталий. Уж очень ему хотелось помочь очаровательной соседке, с которой давно ждал встречи. – Отчет о пресс-конференции мне нужно подготовить к завтрашнему утру и...

– Значит, – улыбнулась она, – вы предлагаете мне сделать статью сегодня вечером, а сами будете работать ночью?

– Наверное... – пожал он плечами.

– Нет, так не пойдет, – сказала она, словно провела кошачьей лапой – мягкой, но с острыми коготками, в которых не трепыхнешься. – Я не могу принять такую жертву. У меня есть другое предложение.

– ?.. – Он вопросительно посмотрел на нее.

– Вы записывайте на свой диктофон всю пресс-конференцию, а потом мы пойдем в бар пресс-центра, прослушаем запись и вместе подготовим статьи для своих изданий. Ведь мы же не конкуренты? – вновь улыбнулась она. – А кофе – за мой счет.

Улыбнувшись в ответ, Виталий кивнул головой в знак согласия.

– Вам даже не придется тратить на кофе. После пресс-конференции наша компания устраивает небольшой фуршет с таралетками, канапе, пирожными и даже шампанским. А это, – он протянул ей пресс-релиз и информационные материалы, которые готовил для пресс-конференции, – поможет вам подготовить статью... Кстати, если нужен эксклюзивный материал, я могу попробовать устроить для вас интервью с руководителем делегации нашей компании.

– О, это просто здорово! Огромное спасибо, – рассмеялась журналистка. – Вот видите, благодаря вам я кругом в шоколаде...

Прессуха с руководством компании о продвижении российской авиационной военной техники зарубежным партнерам шла своим чередом, а Виталий, забыв обо всем на свете, исподволь наблюдал за своей новой знакомой – благо делать это было нетрудно, поскольку он

сидел в кресле почти рядом с проходом у правой стены шале, и его соседка, внимательно глядя на трибуну, расположенную в центре небольшого подиума, была вынуждена слегка повернуть голову влево и не могла заметить пристального внимания сидящего справа от нее мужчины. Впрочем, иногда она оглядывалась, но Виталий вовремя замечал движение ее головы и успевал переводить свой взгляд на подиум. Улыбаясь, Женестьева секунду-другую смотрела на него, он чувствовал это и поворачивал голову в ее сторону. Их взгляды встречались, его рука с диктофоном начинала едва заметно подрагивать то ли от напряжения, а скорее всего, от волнения. Она же слегка касалась своими фантастическими ногтями уголков рта или поправляла прядь волос...

Да, в отличие от абсолютного большинства женщин, пожалуй, самым поразительным украшением Женестьева были не дорогие серьги, кольцо, браслеты, бусы и кольца с бриллиантами, которые она могла себе позволить, но надевала крайне редко, а именно ногти. Длинные – изумительно завершенной и отточенной формы «стилеть», они были словно продолжением ее таких же изящных и тонких пальцев. Узкую поверхность, отливающую мягким и глубоким многоцветьем перламутра, украшал ажурный узор из черной гель-краски, филигранно прорисованный тончайшей кистью. Он начинался с нижнего края ногтевого ложа и легкой вязью струился по краю ногтя почти до самого кончика. В это цвета безлунной ночи кружево со сканью причудливых завитков была вкраплена едва ли ни сотня ограненных страз разной величины – кристаллы Сваровски – от достаточно крупных у основания ногтя до самых маленьких у его окончания. Их мелкие радужные искорки удивительным образом – таинственно и волшебным – сливались с нежно-перламутровыми переливами «стилетов». Почти невесомый фон этого совершенства цветовой гаммы был словно притоплен в матовой глубине ногтевой пластины и создавал изящно-объемный, едва ли не голографический, эффект. В тон этой цветовой палитры можно было без особого труда подобрать самый разнообразный наряд – от строго делового костюма до пляжно-яркого, дышащего воздухом легкого платья. Восхищенно-цепкие, с плохо скрываемой завистью женские взгляды посетительниц дорогих ногтевых ВВП-салонов оценивали творение этих десяти миниатюр одного из лучших нейл-специалистов Европы почти в тысячу евро и были недалеки от истины. Самые близкие подруги Женестьева знали, что для создания этого виртуозного произведения ногтевого искусства она проводила шесть-семь часов в небольшом, но весьма престижном салоне «Юник Стайл» в Праге (французские профессионалы этого направления моды явно отставали от своих восточных соседей), куда приезжала раз в три-четыре недели для коррекции или смены дизайна. «Быть можно человеком дельным и думать о красе ногтей», – французенка не читала пушкинского «Евгения Онегина», но, услышав это двусишие от Вероники – молодой русской хозяйки салона, превосходного нейл-мастера и обладательницы таких же роскошных ногтей-стилетов, полюбила и запомнила его. И от себя добавляла, что Эйфелева башня – это не «Железная дама Франции» у Йенского моста на Марсовом поле, – это лишь ее утонченно-роскошный ноготь-«стилет», поддерживающий небесный свод Парижа. А в ответ на любопытствующие вопросы друзей и знакомых по поводу того, как можно в повседневной жизни управляться с такими невообразимо огромными ногтями, продолжала цитировать Веронику: «С ними я могу все: водить машину, пеленать младенца, заниматься в тренажерном зале и даже прекрасно чистить картошку, – очень удобно острыми кончиками выковыривать глазки. Единственное, чего не могу, – так это играть в боулинг...» И если насчет картошки она слегка привирала – с этой не особенно приятной частью домашней работы прекрасно справлялся кухонный комбайн, то все остальное было сущей правдой.

А как она играла на фортепьяно! Благодаря «стилетам», Женестьева без труда брала почти две октавы, но при этом к чарующим звукам аккордов и переборов примешивалось едва уловимое постукивание ногтей о клавиши. Конечно, профессиональных пианистов, слышавших

ее игру, это поначалу коробило, но вскоре и они привыкали к легкому аккомпанементному пощелкиванию в такт мелодии.

Не менее виртуозно она работала и на компьютере! У нее выработался свой особенный и неповторимый стиль: кончики пальцев не бегали судорожно вверх и вниз, вправо и влево по клавиатуре, а просто слегка расходились и сходились едва заметными волнообразными движениями по шести рядам клавиш. Весь секрет был в том, что она, едва заметно сгибая и разгибая пальцы, их подушечками нажимала клавиши нижних рядов, а кончиками ногтей – верхних. Бесподобное и редкое зрелище.

В этом Виталий убедился сразу после конференции, когда они слушали по диктофону наиболее важные места из выступления руководителей «Военвнешторга», а она при этом быстро набирала текст на своем лэптопе. Заказанный и оплаченный кейтеринговой компании фуршет был конфузливо отменен по причине различных технических неувязок и сбоев, и журналисты сидели в пресс-центре, потягивая кофе за счет организаторов авиасалона и со смехом едко злословили по поводу русского медведя, которому даже пенки от капучино не досталось, и французского бариста, который будто бы оказался пацифистом и демонстративно отказался готовить кофе для продавцов военной техники – «коммивояжеров смерти».

Скрасить неловкую ситуацию с разрекламированным, но так и несостоявшимся «общением в неформальной обстановке» помог короткий разговор Коржавцева с руководителем делегации «Военвнешторга» по поводу эксклюзивного интервью для представительницы французских СМИ. Организовать такую встречу стало для Виталия делом чести после постыдно обманутых ожиданий шампанского, кофе и тартелеток.

– Кстати, меня зовут Женестьева, – улыбаясь и чуть наигранно сказала журналистка, закончив работу и протягивая своему новому знакомому руку, соблюдая узаконенный всем цивилизованным миром ритуал – то ли в благодарность за помощь, то ли в знак официального знакомства, а может, для того, чтобы хоть как-то помочь скрасить неловкость, в которой не по своей воле оказался ее русский коллега, или просто заполнить возникшую паузу.

– М-м-м... Виталий. – От неожиданности и смущения, что до сих пор не представился, он излишне поспешно протянул руку и слегка пожал гладкую и прохладную ладонь своей новой знакомой. При этом он почувствовал, как острые стилеты слегка коснулись его запястья чуть выше того места, где российские врачи обычно щупают пульс. Если бы на кончиках ее ногтей были сенсорные сканеры, она бы почувствовала, как в его венах учащенно пульсирует, почти закипает кровь.

Чтобы хоть как-то скрыть свое замешательство, он достал из бумажника свою визитку и передал ее французенке. В ответ она протянула свою карточку, легко зажатую между роскошных длинных ногтей.

– Мы не опоздаем на встречу с вашим шефом?

– Нет-нет, у нас есть еще минут пятнадцать. Мы как раз успеем дойти до переговорной комнаты на нашем стенде... Собственно говоря, я и хотел узнать, как вас лучше представить моему руководству... – оправдывался он.

– Теперь вы знаете – Женестьева Дюваль, фрилансер, сотрудничаю с общественно-политическими изданиями и специализированными военными журналами.

Интервью в переговорной прошло на ура. Очарование и внешний вид французенки располагали к общению, а ее точные и корректные вопросы, свидетельствующие о том, что она не просто «в теме» военно-технического сотрудничества, знакома с основными характеристиками современных образцов боевой техники, прекрасно разбирается в специфике и особенностях мирового рынка вооружений, исключали банально-расплывчатые ответы общего плана, не оставляющие ничего в сухом остатке, побуждая собеседника делиться предметной информацией о характере перспективных контрактов, возможных направлениях совместной разработки и производства передовой военной техники в интересах третьих стран, офсетных про-

граммах, борьбе с контрафактным тиражированием и распространением вооружения и других нюансах экспортно-импортных операций, связанных с продукцией военного назначения. В отличие от своих коллег-журналистов, Женестьева не гонялась за сенсациями. Она прекрасно понимала, что ее собеседники – представители высшего менеджмента главного российского спецэкспортера – знают, что можно говорить, а что нет, и в случае чего умеют держать язык за зубами. Ее интересовали анализ ситуации, логика действий сторон в оружейном бизнесе, проблемы и перспективы взаимовыгодного военно-технического сотрудничества в контексте общей политики государств, возможность легальных поставок и каналы незаконного сбыта продукции военного назначения в горячие точки и воюющим сторонам в региональных конфликтах, – все это было гораздо интереснее и важнее показушных цифр и вырванных из контекста реальной действительности отдельных фактов. Несмотря на жесткий график работы главы российской делегации, вместо планируемых двадцати минут интервью длилось более часа, который для обеих сторон незаметно пролетел в интересной и содержательной беседе.

– Благодарю вас за организацию этой встречи и материалы, которые вы мне дали, – сказала она на прощание Виталию. – Надеюсь, мы еще увидимся?

– Я буду очень этому рад.

Уже вскоре после знакомства на пресс-конференции были звонки и новые встречи сначала по рабочим вопросам – Женестьева активно взялась разрабатывать тему военно-технического сотрудничества России и Франции, – затем эти randevu становились все более продолжительными и проходили в менее официальной обстановке французских кафе, ресторанчиков и... гостиниц. В общем, уже в который раз подтвердилась старая истина: в Париже, как и в Голливуде, холостяку трудно остаться холостяком, а женатому еще труднее остаться просто женатым.

Глава 3

Идея на грани абсурда

Хотя американец достаточно долго и весьма профессионально подводил собеседника к позитивному восприятию своей идеи, Гарушкин был ошарашен таким предложением, но даже бровью не повел, чтобы не выдать своего замешательства. Он ожидал и был готов к самым абсурдным и нелепым предложениям, но только не к такому... Его первой эмоциональной реакцией было желание, что называется, «на пальцах» объяснить своему американскому коллеге весь идиотизм его замысла, а потом встать и, хлопнув дверью в знак протеста, уйти, однако врожденная и закрепленная всем жизненным опытом и профессиональной этикой осторожность и привычка деликатного общения с людьми удержала разведчика от импульсивного порыва. А церэшник ждал ответа.

– Послушайте, Джон... Я не уверен, что руководство моей службы и нашей страны поддержит предложенный вами вариант.

В этой осторожной фразе было все: и собственное негативное отношение к предложению американцев, и сомнение в реальном выполнении задуманной ЦРУ операции, и явное желание остаться в стороне и не участвовать в этом паноптикуме маразма.

– Я прекрасно понимаю ваши сомнения, – парировал американец. – Сначала и мне эта миссия показалась невыполнимой.

Руководитель посольской резидентуры выжидающе взглянул на Гарушкина и продолжил.

– Безусловно, право принятия окончательного решения останется за президентами США и России. Спецслужбы должны лишь детально проработать и предложить вариант кардинального, по возможности безболезненного и наименее затратного плана реализации этой миссии. Еще раз хочу отметить: в Вашингтоне это решение обсуждалось непросто и далось очень нелегко. Но иного пути нет... – Джон открыл бутылку с минеральной водой и вопросительно посмотрел на собеседника. Получив кивок в знак согласия, он до половины наполнил два стакана, сделал глоток и продолжил свой затянувшийся монолог: – Мы понимаем, что, в отличие от США и Израиля, Россию и Иран связывают тесные политические и экономические отношения. Но сейчас в этой сфере между вашими странами наступили не самые лучшие времена. Россия была вынуждена соблюдать международные запреты и санкции в отношении Ирана, что уже дало повод к некоторому охлаждению дружеских отношений. И вы знаете, что Тегеран уже ищет новых союзников. А если это будет Китай?

– Китай – это вполне самостоятельный дракон, который гуляет сам по себе...

– И заметьте, не просто дракон, а ядерный, но при этом, – американец поднял указательный палец, – прогнозируемый, с которым, набравшись терпения, можно хоть как-то вести диалог и иметь дело.

– Да, если научитесь есть палочками...

– Вы правы, они всегда были «вещь в себе». Но Иран – это другой мир, другая политика, другой менталитет, другая религия. И, самое главное, – воинствующая религия. Что такое ортодоксальный и непримиримый ислам, мы с вами ощутили на себе в Афганистане. У вас еще была Чечня, у нас – Ирак. И в том, что новая война на Ближнем Востоке во многом будет войной на религиозной основе, – сходятся многие аналитики. Так стоит ли давать потенциальному противнику возможность вооружиться смертельно опасными средствами массового уничтожения?

– Извините, у нас другая стратегия. Мы исходим из концепции предотвращения войны, тем более масштабной, и решения всех противоречий и спорных вопросов политическим путем.

– То есть путем умиротворения? Прошлая мировая война тоже началась с... как это по-русски? С по-бла-жек Гитлеру и Муссолини. Чем это закончилось – не мне вам рассказывать... Думаю, сегодня российские политики меньше всего мечтают о лаврах Чемберлена и Даладье. Англичанину повезло, он умер, не испытав всех тягот и лишений войны. А вот бывший французский премьер оказался в концлагере Бухенвальд и был счастлив, когда в конце войны его освободили американские солдаты.

Джон Стоун не без умысла вспомнил и Чемберлена, и Даладье, и самый большой нацистский лагерь смерти Бухенвальд, и американских пехотинцев. Может быть, краткий исторический экскурс хоть как-то образумит этого русского.

– Да, «Каждому свое», – задумчиво процитировал Гарушкин надпись на воротах Бухенвальда. – Если бы не коммунисты, поднявшие в лагере восстание, Даладье мог бы и не дожидаться американцев и не увидеть своей Франции. – Вольно или невольно он дал понять собеседнику, что неплохо знает историю, вот только выводы из этих уроков у каждого свои. – Что же касается Ирана, Россия не намерена начинать войну, – подытожил россиянин.

– Речь не идет о войне, – гнул свою линию Джон. – Превентивный удар и только. Причем непонятно, кто его нанес, какими силами и средствами, откуда... В общем – некий аналог 11 сентября и разрушения двух небоскребов-близнецов. Зато проблема будет решена одномоментно и окончательно. Happy end, – как в Голливуде, все довольны и счастливы.

– Еще чуть-чуть, и я начну думать, что атака двух высоток и здания Пентагона пассажирскими лайнерами, гибель нескольких тысяч американцев – тоже тайная операция ЦРУ.

– Господин Гарушкин, – несмотря на свою выдержку и опыт, американский разведчик моментально перешел на резкий, далекий от дипломатии тон. Его размыто-голубые глаза зло и хищно прищурились, улыбка исчезла, пальцы до белизны в ногтях сцепились в замок. – Любую, даже самую конструктивную идею можно довести до абсурда. Но мы с вами не для этого встретились.

– Джон, прошу прощения, – примирительным тоном сказал гость. Он понял, что явно переборщил.

– Я только хотел напомнить, что подобные ситуации уже были в недавнем прошлом, – более мягко продолжил разведчик-дипломат. – Хотя, понятно, в данном случае любое сравнение м-м... – он запнулся, подыскивая нужное русское слово, – хро-ма-ет... Но Америка и ее народ стойко пережили трагедию 9/11 и сами, без помощи со стороны справились с ее тяжелейшими последствиями. А после уничтожения ядерных объектов в Иране в первую очередь Россия, как дружественное и граничащее с Ираном государство, США, как мировой лидер, Евро-союз и все цивилизованное сообщество помогут народу страны, пострадавшей от неизвестной третьей силы. Жертвы – минимальные, зато мир будет гарантированно спасен от возможности третьей мировой и, заметьте, первой ядерной войны, в которой, давайте судить здраво, наши страны, скорее всего, могут оказаться противниками.

Джон умолк, помолчал и, выразительно посмотрев на своего собеседника, тут же добавил:

– Мне бы этого не хотелось...

– Мне бы тоже... Но, согласитесь, идея чересчур смахивает на авантюру и достаточно цинична.

– Вы не хуже меня знаете, большая политика цинична насквозь. Но в данном случае я согласен с Макиавелли: цель оправдывает средства. Да, это цинично, дерзко, нагло, может быть, даже кощунственно, но это сработает! – Американец перевел дыхание и продолжил: – Даже если Россия откажется от участия в этой акции, мы будем действовать самостоятельно в целях ликвидации неотвратимых угроз в адрес Соединенных Штатов и их граждан. Нас поддерживает Израиль, и мы добьемся своего. Но тогда жертв среди иранцев будет несоизмеримо больше.

Неотрывно следя за реакцией собеседника и чувствуя, что достиг апогея в своей филиппике, он несколько поумерил пыл и пафос.

– Сегодня глобализация затронула работу разведсообщества многих стран – это свершившийся факт. И всем нам необходима тесная координация действий. Только так будет получен значимый результат при минимальных затратах сил и средств, а главное – наименьших потерях для каждой из сторон. Если хотите, можете называть эту спецоперацию новым способом ведения активных боевых действий. Она будет поэффективней гибридной войны и станет тем, что можно назвать «управляемым хаосом».

– Все правильно... Но у русских есть такое понятие, как подлость. И она не прощается...

– Я уже не один год работаю в России. И если уж говорить о подлости и цинизме, то нет ничего более непристойного, подлого и хамского, чем ваши «новые русские».

Гарушкин удивленно посмотрел на собеседника, который вновь продолжал изумлять его своими заявлениями. Уж чего-чего, а такого пассажа от американца он никак не ожидал.

– Я поражаюсь вам, русским, – вашему народу, вашему правительству и особенно вашим миллионерам – народным олигархам (в смысле – вышедшим из народа), – не унимался Джон. – В самый тяжелый год кризиса у вас стало в два раза больше валютных миллионеров. А один из ваших олигархов приобрел на аукционе самое дорогое в мире пасхальное яйцо Фаберже из императорской коллекции Николая II. За 18 миллионов долларов! И не для страны, не для 22 миллионов россиян, прозябающих за чертой бедности, а для личной коллекции... Испытание горем, бедностью и голодом вы выдержали с честью, а вот богатство и сытость уничтожает все лучшее, что есть в вашем многонациональном народе.

– Ну, слава богу, далеко не во всем народе...

– Конечно, конечно... Я имел в виду самую богатую, но далеко не самую лучшую часть российского общества.

«Вот тебе и америкосы... – вновь подумал Гарушкин. – У нас-то все думают, что кроме баксов у них в глазах ничего не светится, а тут – на тебе...»

– Оставим в покое наших нуворишей. Давайте предметно поговорим о том, ради чего я к вам приехал. – Как разведчика Гарушкина интересовала оперативная составляющая предложенной американцами операции.

– Что, на ваш взгляд, нужно сделать для успешного выполнения этого задания, какие конкретные мероприятия осуществить?

– Общая схема действий такова. Идя навстречу пожеланиям Ирана, Россия реанимирует замороженный благодаря санкциям США контракт на поставку в эту страну зенитных ракетных комплексов большой дальности С-300. Мы анонимно делаем намеренную утечку этой секретной информации в американскую прессу, которая раздувает очередной скандал.

– То есть делаем тайну достоянием гласности, чтобы в общем шуме скрыть реальные действия и предотвратить любые возможные инсинуации по поводу взаимодействия наших спецслужб?

– Совершенно верно! В ответ Россия публикует обычное в подобных случаях дежурное заявление для прессы с опровержением «американской клеветы». Все, как в жизни. И со стороны никаких подозрений по поводу того, что что-то не так. – Джон Стоун был воодушевлен тем, что его собеседник перешел на понятный обоим оперативный сленг и специфический для сотрудников спецслужб ход мысли. Он воспринял это как хороший знак. – Тем временем ваши специалисты с участием наблюдателей из Ирана и с соблюдением всех необходимых формальностей и должной степени секретности отгружают ракеты и комплексы противовоздушной обороны на зафрахтованный корабль, который берет курс на Бендер-Аббас или другой иранский порт, – все больше и больше вдохновляясь, продолжал Джон.

– Надеюсь, вы в курсе, что из Петербурга до южных портов Ирана долгий путь?

– Конечно. И это как раз нам на руку. К тому же, по понятным причинам, нельзя использовать иранские порты Каспия. Да и глубоководных причалов у них там нет. Значит, остается этот протяженный и удобный для наших целей маршрут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.